

Рассказывая это, Сяо Цичэнь огляделся, словно проверяя, нет ли поблизости чужих, и продолжил:

— Двое мужчин. Один, посудя по голосу, помоложе — Лю Вэньюань. Он говорил другому: «Похоронами Жань Цю я занимался лично. Если ты мне не веришь, зачем тогда меня продвигал?» А тот ответил: «Это были разборки в мире боевых искусств, вам не следовало вмешиваться. Я уже поквитался со всеми, кто его убил»... Я ничего не понял, они ещё немного поспорили, а потом незнакомец сказал отцу: «Сяо Янь, захоти я убить тебя — разве Лю Вэньюань удержит?»

— ...Жань Цю?

— А потом я услышал звон клинков! — Сяо Цичэнь изо всех сил старался говорить тише, но волнение прорывалось. — Они сцепились прямо в Западном чертоге, должно быть, вазу разбили... Шум привлёк Императорскую гвардию, но когда те явились, их остановил один из тайных стражников. Я притаился под боковым окном, меня никто не видел — или видели, да не тронули. В Западном чертоге ещё некоторое время стоял гам, а потом всё стихло. И я услышал, как Лю Вэньюань сказал: «Се Лин, вот ты и доигрался!» Се Лин... вроде бы бывший командир тайной стражи. Они что, при моём отце внутренние разборки устроили?

Из его уст посыпалась череда имён, но Су Янь отчётливо разобрал лишь «Жань Цю». «Мечь», «похороны» — значит, их трёхлетний договор сорвался, потому что Жань Цю умер?

Сяо Цичэнь продолжал:

— Потом... я услышал, как этот Се Лин сказал: «Через двадцать лет ты будешь ещё плачевнее, чем я сейчас». А вскоре увидел, как тень скользнула из задних дверей Западного чертога. Отец вышел и велел гвардейцам вести себя как ни в чём не бывало. Тяньхуэй меня заметил, но не выдал, быстро увёл и наказал: я ни слова не слышал. А я испугался не на шутку... и сразу к тебе помчался. Аянь, Аянь, ты слышишь? Мне страшно, как это отец умудрился нажить врага — да такого, что свободно разгуливает по внутренним покоям?

— ...Слышу. — В голове у Су Яня стоял резкий звон, он ответил рассеянно:

— Раз это бывший командир, вряд ли он причинит вред императору. Тем более, императора защищает господин Лю, всё будет в порядке.

Сяо Цичэнь, в сущности, и сам так думал, просто хотел услышать подтверждение, поэтому сразу успокоился и вздохнул:

— Отец как-то упомянул, что Жань Цю добровольно отправился в Чанъань соглядатаем, а прошлой осенью погиб от рук нескольких мастеров боевых искусств. Тогда отец и велел похоронить его как подобает...

Он говорил, увлёкшись, и вдруг почувствовал, как рука Су Яня на его плече судорожно сжалась. С удивлением спросил:

— Что такое, Аянь? Ты его знал?

— Помнишь мой меч? — Су Янь впился пальцами ему в плечо. — Его подарил мне Жань Цю. Он был моим учителем.

Над их головами, выстроившись клином, пролетели на юг дикие гуси. Их крылья рассекали

облака, поднимая ласковый ветер. За учебным плацем, вдали от лязга оружия, оба хранили молчание.

Су Янь долго приходил в себя. Лишь к вечеру, едва добравшись до дома, он наконец осознал внезапную весть о смерти Жань Цю. Горе нахлынуло с опозданием, но слёз не было — словно высохли. В горле стоял горький, медный привкус. Су Янь присел у стены усадьбы, склонил голову и зашёлся сухими спазмами.

Почти выплюнув желчь, он поднялся, вытер глаза — будто ничего и не было — и направился в главный зал.

Поужинав, он зашёл в домашнюю молельню. Это место всегда было владением матушки Су, и Су Янь редко сюда заглядывал. В тот день, увидев его, матушка не удивилась и спокойно спросила:

— Что-то тревожит?

— На душе тяжело. Если я скажу об этом, поможет? — Су Янь кивнул на статую Будды.

Матушка слегка склонила голову, подвинулась, освобождая место на циновке, и сдержанно произнесла:

— Искреннее сердце достигает просветления. Благо, что сын мой обращается к милосердию. Из-за какой из скорбей печалишься?

Су Янь помолчал, потом сказал:

— Когда ушёл Ацзинь, я ничего не почувствовал. А вот господин Жань... умер, и я случайно услышал. Растерялся, до самого дома был сам не свой, думал — показалось. У нас остался невыполненный договор, а он вот так взял и ушёл... Матушка, когда не стало Ацзиня, ты тоже так думала?

Матушка безмолвно зажгла три благовонные палочки и стала внимательной слушательницей.

Но Су Янь больше ничего не добавил. Он принял палочки, почтительно возжёт их, трижды поклонился и, подняв голову, тихо прошептал статуе:

— Ничему не научил... а я ещё ждал, когда расскажет историю меча «Лазурное море».

Сказав это, он ещё раз поклонился дымящимся палочкам и вышел.

С последней встречи с Жань Цю минуло уже пять лет. Су Янь ещё хотел сказать ему: «Ты научил меня тому странному стилю меча, но я до сих пор многого не понимаю. Кулак же тренирую каждый день. Я уже могу тягаться с Чжан Ли, а он — лучший боец в Гвардии доблестной кавалерии. Я снова встретил Цичэня, он сильно изменился, и про глаза наследного принца теперь известна правда...»

В тот год Су Янь ещё не знал всех связей. Все эти запутанные отношения, имена и позывные тайной стражи были для него лишь странными названиями. Он был далёк от мира рек и озёр и не стремился в него проникать.

Но тысячи несказанных слов теперь остались лишь для небес да земли.

На следующий день Сяо Янь отменил утреннюю аудиенцию, но срочные донесения с фронта,

доставленные за тысячу ли, уже лежали на императорском столе.

Едва миновал праздник Шанши, и пока жители Нань Ляна были поглощены посевными, тюркская конница внезапно обрушилась на заставу Юньмэнь. Там, кроме отряда Гвардии доблестной кавалерии, стояло всего несколько тысяч солдат гарнизона Ючжоу. Су Чжи одержал победу против превосходящих сил, но на следующий день тюрки атаковали вновь — на этот раз с конницей и осадными камнемётами.

Неприступная заставка Юньмэнь пала. Гвардия доблестной кавалерии под командованием генерала отступила в Яньчжоу. Двадцатилетний мир между Нань Ляном и племенем хуань ещё не истёк, но был расторгнут самими тюрками.

Ирония заключалась в том, что снаряжение этой тюркской элиты поразительно напоминало экипировку Гвардии доблестной кавалерии Нань Ляна. А создал его тот самый второй принц Хуань Ту, что с девятнадцатого года правления Туннин десять лет жил в Нань Ляне как заложник, а позже был возведён на ханский престол руками самой Гвардии доблестной кавалерии.

Когда Сяо Цичэнь поспешил из Чертога Чэнлань в Чертог Великого Предела, он застал высших сановников государства за их извечным занятием — перепалкой. Он ловко встал в ряд, устремил взгляд в пол и хранил молчание.

Цензоры забыли про взаимные обвинения и с жаром доказывали, что отправка заложника была ошибкой. Кто-то из сановников заявил, что недавнее покушение на Су Чжи, возможно, было пробой сил — проверкой позиции Тайчэна.

Но больше всех поразило то, что канцлер и великий маршал наконец-то заключили перемирие! Левый канцлер Се Кэ — пост правого канцлера оставался вакантным, он служил при двух императорах, находясь на вершине власти — и великий маршал Ван Ди, представлявшие две могущественнейшие семьи страны, всегда стояли по разные стороны баррикад, десятилетиями бросая друг нагу гневные взгляды в Чертоге Великого Предела. На сей раз же — то ли по негласному согласию, то ли по предварительному сговору — они в один голос требовали от Сяо Яня начать войну.

Семьи Ван и Се враждовали поколениями, но теперь, перед лицом национальных интересов, они проявили поразительное единодушие, отложив распри ради общего врага. Ведь было очевидно: если тюрки действительно вернуться, как двадцать лет назад, нынешняя армия Нань Ляна может и не устоять. Тогда всем придёт конец.

Ведь всего несколько месяцев назад они же уговорили Сяо Яня урезать жалованье пограничной армии...

«Сами на свою же голову», — безучастно подумал Сяо Цичэнь, уставившись на носки сапог. И вдруг ему стало жаль отца. Тот, казалось бы, всевластен, но каждое решение вынужден оглядываться на множество обстоятельств, а иные и вовсе навязаны этими так называемыми знатными родами...

«Если я когда-нибудь действительно взойду на престол, неужели и мне суждено быть их марионеткой?» — подумал Сяо Цичэнь, сжимая кулаки.

Но его размышления витали слишком высоко. Война стучалась в дверь, и Сяо Янь в конце концов издал указ: Су Чжи надлежало возглавить пограничные войска семи северных округов и отбить заставу Юньмэнь у тюрков.

Но он оставил за собой последнее слово: войскам Ляна запрещалось переходить Великую стену.

Когда Сяо Цичэнь на повозке прибыл в Сад Нань, он застал Шэнь Чэнцзюня за построением войск. Он поспешно пробирался сквозь толпу, и, увидев его, Шэнь Чэнцзюнь с досадой промолвил:

— Какое время выбрали, Ваше Высочество? К чему почтить нас своим присутствием?

— Я ищу Су Яня, — Сяо Цичэнь огляделся, не найдя того, и с тревогой спросил:

— Вы что, тоже на фронт отправляетесь?

<http://bllate.org/book/15940/1425090>